

Социалисты

В 1956 году, после 20 съезда, инакомыслие, в том числе политическое, накапливавшееся до той поры подспудно, выплеснулось наружу и стало разрастаться лавинообразно. Этот процесс очевиден даже из анализа советского самиздата. Мемуарная литература (Петр Григоренко, Юрий Орлов, Владимир Буковский, Револт Пименов, Борис Вайль, Раиса Орлова) дополняет картину настроений в советском обществе тех лет.

Непроправители советской системы среди инакомыслящих были крайне редки, единичны, в диапазоне критики — и в официальной литературе, и в самиздате — укладывались в понятие «демократический социализм». Однако часть критиков делала упор на демократию, а другая — на социализм, но социалистическое мировоззрение было господствующим с первых признаков проявления несогласия и до конца 60-х годов.

Теоретически тогдашние социалисты не были едины. Можно выделить несколько основных течений диссидентского социализма.

Самым представительным и известным был неформальный круг, выразителем настроений которого стал московский историк Рой Медведев. Общая основа взглядов сторонников этого направления определяется тем, что они считают его одним из проявлений внутрипартийной оппозиции...

Вторжение в Чехословакию разрушило надежду на смягчение советского режима и способствовало массовому пересмотрю прежними сторонниками партийно-демократического направления оценки советской системы как системы социалистической — одни перестали считать ее таковой, другие перестали вкладывать положительный смысл в само понятие социализма...

Была среди социалистов организованная часть — подпольные и полуподпольные кружки и организации, почти полностью молодежные. В большинстве случаев каждый такой кружок был замкнут в себе, лишь некоторые из них были связаны с двумя-тремя такими же кружками и связи эти нешли дальше совместных совещаний. Эти юноши нового послевоенного поколения были искренними марксистами, социалистами и патриотами, они стремились не ниспровержению существующего строя, а к его улучшению возвращением к «настоящему», «ленинскому» социализму или к реформе «по югославскому образцу».

В Москве самым крупным и деятельным был кружок Льва Краснопевцева, состоявшийся из выпускников исторического факультета МГУ. Его основали в мае 1957 года 7 выпускников исторического факультета МГУ с целью добиться последовательной десталинизации, либерализации в политике и экономике...

Таким же был ленинградский кружок выпускников Технологического института... После их ареста следствие установило 88 человек из десяти разных областей, прочитавших книги членов кружка Роннина и Хахаева. Кроме того, группа распространяла листовки, а в 1965 году стала издавать журнал «Колокол». При подготовке третьего выпуска члены кружка были арестованы.

Такая же судьба постигла студентов и преподавателей в Горьком, написавших с марксистских позиций работу «Социализм и государство» и устроивших ее коллективное обсуждение, и Марксистскую партию нового типа в Рязани в 1969 году, и столь же немногочисленных членов Партии истинных коммунистов в Саратове... Во второй половине 1968 года студенты радиотехнического института в Рязани создали нелегальную организацию под названием Марксистская партия нового типа. Студент-заочник, токарь завода «Рязельмаш» Юрий Вудка написал брошюру «Закат капитала», которая стала программным документом рязанской группы. Видимо, эта группа имела связи в других городах, так как саратовская группа также считала своим программным документом работу Вудки «Закат капитала». Рязанская группа была раскрыта..., на суд в Рязань вызвали свидетелей не только из Саратова, но и из Подмосковья, Ленинграда, Киева и других городов. Приговоры — от 7 до 3 лет лагеря...

В том же, 1968 году, в Саратове сложилась подпольная студенческая группа, называвшая себя Партией истинных коммунистов. Она имела программу либерально-демократического толка и ставила целью творческое изучение марксизма по первоисточникам, а также соответствующей литературы — официально опубликованной и самиздатской. Аресты произошли в августе 1969 года. На суде обвиняемые подчеркивали, что они вели не агитацию («немногое для многих»), а пропаганду («многое для немногих»), что новичков в организации привлекали только после ознакомления с пропагандистской литературой и лишь в случае возникшего после этого совпадения взглядов. По делу прошло около 50 свидетелей — студентов и недавних выпускников саратовских вузов. В зал суда пустили только родственников и специально подобранные публику; у входа стояла толпа молодежи, человек сто-половата. Все подсудимые признали вину и покаялись, и все-таки глава организации, выпускник саратовского юридического института Олег Сенин получил 7 лет лагеря, остальные — от 3 до 6 лет. После процесса более 60 близких к обвиняемым подверглись внесудебным репрессиям — увольнению с работы и исключению из вузов...

Людмила Алексеева
«История инакомыслия в СССР»
Khronika Press, 1984.

Ирина ЧЕЛИКАНОВА

Рис. Валентина Ежова.

Дело «Вудки»

Приговор

В 20 часов 30 минут 19 февраля 1970 года в деле «Вудки» была поставлена точка. (...) Мальчики, опоенные воздухом «хрущевской оттепели», поменяли звание студента на «титул» полигзаключенного.

Судебная коллегия по уголовным делам Рязанского областного суда установила: «Вудка Ю.В., Грилюс С.А., Фролов О.И., Мартимонов Е.Я., Заславский С.И., Вудка В.В. в 1967-1969 годах проводили антисоветскую агитацию, пропаганду и организационную деятельность в целях подрыва Советской власти, распространяли в тех же целях клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, хранили и распространяли в тех же целях литературу антисоветского содержания. Неоднократно совместно обсуждали вопросы практической антисоветской деятельности, создания аналогичных групп в других городах СССР, передачи антисоветской литературы за границу, соблюдения конспирации и преступной деятельности.»

Приговором суда по ст. 70, ч. 1, и ст. 72 УК РСФСР осуждены: «Вудка Юрий Вениаминович, 1947 года рождения, токарь завода «Рязельмаш», студент-заочник радиоинститута — к семи годам лишения свободы; Вудка Валерий Вениаминович, 1950 года рождения, студент 3-го курса радиоинститута — к трем годам лишения свободы; Грилюс Симонас Аронович, 1945 года рождения, сменный инженер радиоцентра Крайпецкого морского рыбного порта, выпускник радиоинститута — к пяти годам лишения свободы; Фролов Олег Ильич, 1948 года рождения, студент 4-го курса радиоинститута — к пяти годам лишения свободы; Мартимонов Евгений Яковлевич, 1948 года рождения, студент 4-го курса радиоинститута — к трем годам лишения свободы условно, с испытательным сроком пять лет; Заславский Семен Михайлович, 1948 года рождения, студент 4-го курса радиоинститута — к трем годам лишения свободы условно, с испытательным сроком пять лет.»

Кончились игры в (...) большевистское подполье, началось обживание реальных большевистских тюрем.

Физики и лирики

Если положить перед собой школьные и институтские характеристики «подельщиков» и прикрыть рукой фамилии, то возникает впечатление, что рас-

сказывают они об одном и том же человеке – так похожи между собой ребята, типичные «шестидесятники», неуемные, любопытные, жаждущие познания, равно увлеченные физикой и литературой.

«Проявляет большой интерес к современной физике, увлекается научной и научно-популярной литературой. Уделял много внимания общественной работе, принимал участие в художественной самодеятельности, был внештатным корреспондентом газеты «Радист», выступал в составе факультетской команды по шахматам. Увлекается поэзией, писал стихи, многие из которых публиковались в «Радисте». Это о Юрии Вудке.

«Принимал активное участие в студенческой научно-исследовательской работе, был членом молодежного отдела газеты «Радист» и ее внештатным корреспондентом, членом команды КВН. Увлекается поэзией и пишет стихи сам.» Это об Олеге Фролове.

«Активно участвовал в олимпиадах по математике, физике, химии, в воскресниках, художественной самодеятельности, в проведении встреч КВН.» «Учился только на «хорошо» и «отлично». Одну из из сессий сдал только на «отлично». Это о Семене Заславском.

«Вежливый, правдивый, много решал сложных задач, особый интерес проявил к физике и математике. Характер спокойный, несколько отличается скромностью.» Так оценивается Евгений Мартимонов.

«Проявил замечательные способности к математике, физике, химии, умению логически мыслить, делать собственные теоретические выводы. Имеет 1 разряд по шахматам, играет в теннис. Сдержан, уравновешен, скромен.» Так характеризуется Валерий Вудка, младший брат Юрия.

Что представлял из себя Симонас Грилюс, к моменту ареста уже закончивший институт и работавший в Клайпеде, нетрудно понять из его собственных показаний: «Во второй приезд в Рязань (я приехал на два-три дня) Вудка вечером предложил мне пойти к одному книголюбу, у которогоказалось богатая библиотека. Он предупредил меня, чтобы я не ляпнул бы при нем что-либо плохое о Пушкине, то есть из рецензии Писарева на «Евгения Онегина»... Просто это рафинированный интеллигент чистейшей пробы. (...) Приехали мы вечером в Приокский поселок. Дорогу я не запомнил, так как ве-

ли меня Юрий Вудка и Валерий Вудка. В комнате-библиотеке нас встретили хозяина и высокий, бородатый хозяин. По стенам стеллажи с книгами. Юрий вел с хозяином литературную беседу, а мы с Валерием набросились на книги. Я попросил книги с речами русских революционеров на судах – Халтурина, Желябова и др. И читал взахлеб. О чем беседовал Юрий Вудка не помню, да и не слушал. Мне завтра нужно было уезжать и я глотал страницы уникальной книги. При выходе Вудка сказал, что в Рязани это клад – иметь возможность читать такие книги.»

... «Теоретик» и лидер группы Юрий Вудка приехал в Рязань из Павлограда, имея за плечами учебу в машиностроительном техникуме, квалификацию станочника и неудачную попытку поступить в столичный вуз. Как и многие иногородние первокурсники, он снял квартиру в частном доме на улице 1-я линия и сломя голову кинулся в водоворот студенческой жизни. На «литературных вторниках» в институте быстро сошелся с Олегом Фроловым. Общее пристрастие к студенческой многотиряжке и увлечение поэзией заставили их искать более тесных отношений друг с другом. Однажды, в начале 1967 года, Юрий пригласил Олега к себе на квартиру. Обсуждали недавно изданные стихи Евтушенко, и хозяин прочитал самиздатовскую вещицу поэта, которую выучил наизусть (теперь это стихотворение о смерти Сергея Есенина хорошо известно). От литературных и философских споров перешли на политические темы и еще больше понравились друг другу, обнаружив сходные критические оценки существовавшего в стране порядка.

На допросе в КГБ Олег Фролов признавался: «Я самостоятельно пришел к выводу о необходимости изменения существующего строя в СССР в сторону демократии. К формированию таких взглядов послужили отдельные события внутренней жизни в нашей стране, а именно: развернувшаяся кампания в нашей прессе против деятелей культуры, в частности, против Евтушенко, методы устранения Хрущева как руководителя государства и другие действия, на мой взгляд, нарушающие демократические принципы и свободы.»

Юрий также захаживал к другу домой, но редко, видимо чувствовал некоторую недоброжелательность отца Фролова, не жаловавшего поэтов. Для родительских опасений были веские основания. После одного вечера в сту-

денческом кафе, куда Олега пригласили читать стихи, вернулся он домой с расквашенным носом и разбитыми очками. С тех пор отец думал о поэтах исключительно как о несерьезных людях, скандалистах, мешающих сыну овладевать наукой. (...)

На одной из поэтических встреч друзья сошлись на идею организовать кружок единомышленников, активно не приемлющих лживость действительности. Олег переговорил со школьными приятелями, тоже ставшими студентами радиоинститута, – Семеном Заславским и Евгением Мартимоновым. Их даже не привлекла «вовлекать», потому что Олег уже все уши прожужжал им про своего нового друга, обладающего оригинальным мышлением.

С Симонасом Грилюсом Вудка познакомился еще раньше, чем с Фроловым, приблизительно в начале осени 1966 года. Поскольку им уже тогда овладела мысль о группе единомышленников, он внимательно присматривался к своим знакомым. Грилюс долго не воспринимал теоретические выкладки (...) Юрия, ошарашенный их откровенностью. Лишь постепенно, с большим трудом, Симонаса удалось переубедить и привлечь к практическому участию в нелегальной работе.

Последним в тайный кружок влился младший брат Вудки – Валерий. Поступив в 1967 году в радиоинститут и волею обстоятельств вынужденный делить с братом один частный угол, Валерий мало-помалу заражался общим настроением по переустройству общества.

Сразу же возникла необходимость где-то собираться, чтобы обсуждать свои идеи. В мае 1967 года встретились на даче родителей Жени Мартимонова. Поскольку предстоящая экзаменацная сессия требовала подготовки, то здесь же листали конспекты, одновременно обмениваясь политическими суждениями. А в приговоре суда эта встреча грозно называется «соборищем сообщников», где Юрий Вудка выступил с «клеветническими измышлениями на советский и общественный строй».

Явка с повинной ?

По официальной версии дело «Вудки» началось с покаянного заявления в органы КГБ одного из участников группы – Семена Заславского: «Под влиянием неправильной оценки некоторых исторических и политических событий, а именно: событий 1937 года, развенчания культа личности (в период конца 1966 – начала 1967

года), а также в дальнейшем неправильной оценки «еврейского вопроса» в СССР и, наконец, событий в Чехословакии 1968 года, у меня возникли взгляды, противоречавшие официальному курсу и линии партии, антисоветского характера.

Вначале эти взгляды были бессистемны и непоследовательны. Аналогичных взглядов придерживались мои близкие друзья Мартимонов и Фролов, с которыми я иногда обсуждал вышеупомянутые вопросы. Но затем, приблизительно в середине 1967 года, я познакомился с Вудкой, который тоже высказывал антисоветские взгляды, но в более законченной и последовательной форме. От него я услышал несколько фактов, которые якобы подтверждали существование притеснения евреев в СССР, в дополнение к тем, что я знал из советской литературы (в частности... из произведений Эренбурга). От него я получил... машинописный текст с письмом Эрнста Генри Эренбургу, в котором Генри укоряет Эренбурга в чересчур мягком отношении к культуре личности и приводит некоторые данные и цифры.

...С течением времени наши взгляды приняли более конкретный и законченный характер, поскольку у Вудки... существовало подобие теории, обосновывающей эти взгляды, которую он в последствии излагал в рукописной работе «Закат капитала» под псевдонимом Л. Борин...

Не стану цитировать дальше, в каких словах и выражениях винили двадцатилетний «антисоветчик» и что обещал стражам государственности в лице работников КГБ, — подобным покаянием рано или поздно заканчивалось общение всех ребят со своими следователями.

Однако, изучив собственноручное заявление Семена Заславского, трудно уверовать, что написано оно человеком, явившимся с повинной. Слова выведены не-ряшливо, нервно, с зачеркиванием и вставками. Поля неровные, некоторые листы не дописаны до конца, как будто их переписывали или вкладывали дополнительно. Невозможно отрешиться от впечатления, что составлялось покаянное заявление не дома, по трезвому размышлению, осознанно, а в казенном кабинете, под присмотром, если не под диктовку «куратора». На это указывает и сумбурность, отрывистость изложения. Так и кажется, что человек-невидимка задает вопросы, оставшиеся «за кадром», а человек во плоти на них письменно отвечает.

Впрочем, это моя личная версия, в которой я еще больше укрепилась, когда обнаружила, что и объяснение другого «подельщика» — Жени Мартимонова — написано на тех же характерных листах белой бумаги, видимо вынутых из одной и той же пачки, и по тому же образу и подобию.

Не нужно быть особенно наблюдательным, чтобы среди протоколов следствия отыскать любопытный документ, с которого началось дело «Вудки». И началось не в Рязани, а в Саратове, и не летом 69-го, а двумя годами раньше.

В саратовском юридическом институте учился друг Юрия Вудки — уроженец Шацка — Олег Сенин. Там и начался для него и его единомышленников путь на отечественную Голгофу. А происходило это так. Однажды после занятий студент решился на откровенный разговор с уважаемым им преподавателем. Нюансы такого общения хорошо видны из заявления декана дневного отделения в управление КГБ по Саратовской области: «...Сенин сказал, что я критиковал его за плохую сдачу зимней сессии и объяснил это тем, что он разболтался и перестал заниматься. Однако, это объясняется другими причинами. Я спросил, чем же это объясняется. «Я писал работу», — ответил он мне. Я поинтересовался... Сенин ответил, что в моей статье (он назвал сборник) он прочел, что бюрократизм способствует взяточничеству, и решил заняться выяснением сущности бюрократизма.

...Я ответил, что мне было бы интересно посмотреть работу. Сенин поставил условие: никому работу не давать, а возвратить в тот же день. Он повторял это несколько раз. Я сказал, что работу никому не передам. ...Через несколько дней он зашел ко мне в кабинет... и передал работу.

...Вечером, прия домой, я открыл работу и обнаружил, что ее содержание отличается не интересными исследованиями, новой постановкой вопросов, а антисоветской направленностью. Меня это возмутило, я просмотрел работу до 22-23 часов и утром, прия в институт, пошел к ректору и передал ему тетрадь Сенина, объявив, при каких обстоятельствах она ко мне попала.

...Когда Сенин пришел ко мне, я ему сказал, что тетрадь возвращена не будет, объяснил причину такого решения. Сенин был крайне взволнован, он обвинял меня в нечестности, непорядочности, в том, что не сдержал слово и т.д.

Я говорил Сенину, что как со-

ветский человек и как коммунист не могу позволить, чтобы такая писанина имела хождение. Я попытался объяснить ему, что он методологически неправильно использует работы классиков марксизма-ленинизма, забывая, что отдельные высказывания были сделаны по конкретному поводу, в конкретных условиях.

...Я поинтересовался, являются ли выводы, положения, содержащиеся в работе, его убеждениями или нет. Сенин на этот вопрос не дал мне ответа.

...Он спросил, где находится тетрадь. Я сказал (как и было договорено), что тетрадь у ректора. «Тогда я пойду к ректору», — заявил Сенин.

...Когда Сенин узнал о том, что тетрадь ему не будет возвращена, он мне заявил, что за ним уже наверняка следят из КГБ. Я ответил, что туда не сообщал. «Я вам не верю», — был ответ Сенина.

В КГБ, действительно, поспешил заявить не декан, а (...) ректор, это подтверждают даты на документах. В своей первой объяснительной вызванной в управление госбезопасности Олег, чтобы усыпить бдительность оперативников, нес явную околесицу. Рассказывал о случайном попутчике в поезде, который и вручил ему эту тетрадь, которую по договоренности он должен вернуть обратно по адресу: «до востребования». Он хитрил и оборонялся, выводя следующие строчки: «Мое отношение к работе таково: в ней раздута до огромных размеров отрицательная сторона, умышленно обходятся положительные стороны действительности, которых масса. Таким образом она лишена объективности — это самый существенный недостаток. В ней выражена явная тенденциозность. Причина, которая побудила меня дать тетрадь..., заключается в том, что я хотел выяснить ее действие на человека трезвого, объективного подхода к действительности. Его реакция окончательно убедила меня в том, что идеи, там выраженные, неприемлемы для людей нашего общества.»

На этом как-будто инцидент и был исчерпан. Работники госбезопасности Саратова явно не из-за лени не стали «раскручивать» (...) дело. Просто текущий момент не побуждал к излишнему служебному рвению — хрущевские разоблачения культуры личности раскрепостили общество, зачиридили его невиданной дотоле тягой к свободомыслию. (...) Олега отпустили восвояси, но крамольную общую тетрадь и объяснительную аккуратно сложили в па-

почку — до лучших времен (простите, до худших).

Ввод советских войск в Чехословакию подвел черту под оттепелью и заставил не в меру «расчирикавшихся» граждан примолкнуть. Стражи государственности расправили мундиры... Только молодая порось, цветение которой совпало с хрущевским потеплением и не знавшая (...) другой погоды, продолжала свое максималистское буйство. Тетрадочку вынули из-под сукна, и маховик прежней, хорошо отложенной машины подавления вольнодумства и гражданских свобод пошел стремительно набирать обороты.

«ЗАКАТ КАПИТАЛА»

Загадочная тетрадь, изъятая у Сенина в Саратове, в материалах следствия именуется антисоветским трактатом «Закат капитала». Под псевдонимом Л. Борин скрывался студент-заочник радиоинститута Юрий Вудка. В соответствии с переменичивой обстановкой в стране первоначальный вариант, составленный в 1967 году, дорабатывался и обновлялся. Мне довелось читать фотокопию издания 68-го года. Написанная провинциальным студентом-технarem работа имела все основания для гнева (...) партийно-государственной элиты, ибо покушалась на все ее святыни разом. То, что стремящийся к науности Юрий снабдил свое произведение непостижимым количеством цитат классиков марксизма-ленинизма, искренне им почитаемых, только усиливало критическую направленность трактата. Наивные, путаные философские выкладки автора меркли в сравнении с безукоизнено точными характеристиками современного бытия и пророческими прогнозами, которые помогал ему делать трезвый ум, хотя и не свободный от большевистских догм и марксистских мечтаний о коммунистическом благоденствии. Иные положения «Заката капитала» словно списаны с сегодняшнего дня.

«За полвека после смерти Ленина, — писал Вудка, — марксизм был превращен властью имущими в безвредную икону, за которой они обделывают свои реакционные дела.»

...У нас в стране, где жестоко подавляется малейшее оппозиционное течение, где растоптаны свобода слова, печати, собраний, союзов, совести, где пресса только и занята воспеванием каждого решения власти, где ручные «Советы», освященные торжественной комедией выборов, являются бесправным придатком то-

тальянской партийной машины, не может быть и речи о демократии. Значит система политического управления целиком опровергает бюрократическую мифологию о полной победе социализма и, наоборот, ясно доказывает, что в стране господствует государственный капитализм. Смешно выглядят идеологи Запада, которые ругают социализм, указывая пальцем на Восток. С тем же успехом можно объявили сумашедшим Юлия Цезаря на том основании, что какой-то современный сумашедший величает себя Юлием Цезарем.» (...)

«Советские советники до 1956 года были полными хозяевами стран так называемой советской демократии, создавая там, смешая и перетасовывая марионеточные полицейско-бюрократические правительства.»

Двадцать лет назад студент-заочник, токарь по профессии, своим умом дошел до необходимости децентрализации экономики страны, которая, с горем пополам, проводится нашим нынешним правительством.

«Децентрализация в корне противоречит фундаментальным принципам диктатуры бюрократии, — пишет Юрий Вудка. — Однако развитие экономики под угрозой кризиса требует предоставления все более широких полномочий хотя бы директорам предприятий, вплоть до введения свободного ценообразования и конкуренции между предприятиями... В этом случае позвоночный столб государства — партийный аппарат, вместе с венчающим его ЦК, оказывается экономически совершенно излишним и, следовательно, явно обреченным на гибель. Именно поэтому так робко, с таким множеством оговорок и перестраховок осуществляет бюрократия каждый шаг экономической реформы...»

Из приговора Рязанского областного суда: «Вудка Юрий Вениаминович... в целях пропаганды своих враждебных Советской власти взглядов в мае — июне 1967 года написал антисоветский программный трактат «Закат капитала», в котором опорочивается советский государственный и общественный строй, изложены программные установки по созданию на территории СССР антисоветских нелегальных кружков и групп по проведению агитации и пропаганды, организации забастовок, демонстраций и восстаний с целью свержения советского государственного и общественного строя.

...С целью распространения антисоветской литературы организовал ее размножение. В 1967 —

1969 годах совместно с Фроловым, Грилюсом, Заславским, Мартимоновым и Вудкой В. (...) изготовил 34 экземпляра «Заката капитала».

Если следовать нормам брежневского права, «клеветнические измышления» Юрий Вудка допускал на каждой странице своего трактата. Это касалось устройства государства, национальной политики, международных отношений, армии...

«При социализме весь народ учится военному делу. Но для этого вовсе не надо запирать юношей на 3-4 года в полутореметровые казармы и заставлять их заниматься идолопоклонством перед каждым военачальником.»

«Клевета» Вудка и на (...) колхозное строительство: «Хронический застой, даже регресс нашего сельского хозяйства, который происходит вопреки огромным материальным затратам на его подъем, вопреки внедрению техники, был вызван, в первую очередь, несоответствием производительных сил и производственных отношений деревни.»

«Антисоветские нападки» делал (...) он и на «отца народов»: «Вершицой сталинской национальной политики был геноцид в отношении чеченцев, ингушей, крымских татар, немцев, калмыков и др. Целые нации вместе с их еще не родившимися детьми обвинялись в предательстве, лишились всех прав и высыпались в Сибирь...»

«А король-то голый!» — крикнул он, обнаружив призрачность социалистических одежд. «Вместо равенства возрождается феодальная система привилегий, бюрократическая сословная иерархия.»

Нет, сегодня никого такими откровениями не удивишь, но все-таки эти провидческие озарения, открывшиеся девятнадцатилетнему парню в эпоху всеобщего «одобрямс», не могут не потрясти. (...)

Пока свободою горим...

Вызов в КГБ, накануне дня отъезда в Черновцы, когда Юрий Вудка (...) сложил с себя полномочия руководителя группы и назначил преемника, застал его врасплох. Судя по всему, (...) чекисты начали опасаться, что жертва ускользнет из тщательно расположенной сети и заторопились. 29 июля 1969 года написано «покаянное заявление» Заславского, 30 июля — «объяснение» Мартимонова, в тот же день возбуждено уголовное дело и впервые допрошен Юрий Вудка. (...) И «покаянное заявление», и «объяснение»

ние» единомышленников Вудки нужны были следователю в качестве формального повода для возбуждения дела. Эта «ширма» скрывала истинные источники информации – без стукачей и слежки КГБ не работает. (...) Среди первых документов дела были доносы ученых саратовских мужей и крамольная тетрадь «Заката капитала», исполненная рукой автора.

Несмотря на внезапность ареста, Юрий Вудка держался мужественно. «Вы подозреваетесь в проведении антисоветской агитации, то есть в совершении преступления, предусмотренного статьей 70, часть 1, УК РСФСР. Что вы можете показать в связи с этим?» – спрашивал следователь на первом допросе. «Я понимаю, в совершении какого преступления подозреваюсь, но отвечать по существу вопроса отказываюсь до тех пор, пока мне не предъявят конкретных фактов моей вины», – парировал подозреваемый. «Назовите ваших знакомых в Рязани», – требовал следователь. «На этот вопрос я тоже отказываюсь отвечать, отказываюсь и объяснять причины этого», – не поддавался Вудка.

Он был очень неудобен для следователя – не только потому, что обладал твердой волей, но и потому что имел «устаревшие» понятия о чести. Из допроса в допрос отказывался Юрий называть многие имена, упрямо оберегая людей, которых, по его мнению, нельзя было трогать. Одних за то, что давно отошли от группы, других за то, что стали семьями, третьих – как Александр Солженицын – за то, что велики, значительны и заслуживают уважения. «Пояснений никаких давать не буду», – упорствовал арестованный после месяца допросов, – так как человек, который напечатал первые страницы «Заката капитала», никакого отношения к деятельности группы не имеет». Вудка мог (...) не отвечать на вопросы следователя, потому что «болит голова», потому что в следственном изоляторе его незаслуженно посадили в карцер, обвинив в преднамеренной поломке радиодинамика, потому что не дают свидания с братом. В нем не было животного страха перед своими тюремщиками – в условиях несвободы он пытался оставаться свободным, пытался пророчествовать, излагая собственную теорию построения общества.

«Мы действительно собирались вместе, вели разговоры на политические темы, (...) но я не считаю эти разговоры антисоветскими, так как сам я сторонник Советов. Я допускал высказывания против политики существую-

щего у нас правительства в экономической области. Считаю, что у нас слишком большая централизация в управлении экономикой. В отношении коммунистической партии Советского Союза я высказывал мысль, что наступает время, когда общество может обходиться без партии с ее нынешними функциями.» (...)

«Я считал, что в настоящее время в Советском Союзе нет социализма, а существует государственный капитализм, – разжевывал на допросе Юрий Вудка основные положения «Заката капитала». – Правят страной в СССР не представители народа, а бюрократическая верхушка. При существующем положении вещей в СССР нет демократии, существует тоталитарная система управления государством, которая в период культа личности Сталина была похожа на фашистскую диктатуру. После этого произошла в стране некоторая демократизация, но не в полной мере. Потому остался госкапитализм...

В внешнеполитических вопросах я был не согласен с политикой СССР по отношению к Чехословакии. Ввод советских войск в ЧССР я расценивал как вмешательство во внутренние дела чехосlovakского народа, нарушение суверенитета, стремление сорвать построение в ЧССР социализма, к которому, по моему мнению, она стремилась после январских событий 1968 года, навязать ей госкапитализм, существующий в Советском Союзе.

Я полагал, что в Советском Союзе есть предпосылки для появления в будущем рабочего движения против существующего строя. Для того, чтобы этому рабочему движению, когда оно появится, придать сознательную направленность, я решил организовать группу людей, которые могли бы правильно направлять это рабочее движение.»

Дитя своего времени, вскормленный кратким курсом ВКП(б), Юрий Вудка, с одной стороны, чутко улавливал тончайшие намеки на грядущие изменения в обществе, а с другой, скажем так, носил в своем сознании все пережитки большевизма.

«Суверенитет», «демократия», «децентрализация», «тоталитарная система» – типичный словарь горбачевской перестройки.

«Рабочее движение», «предпосылки», «сознательность масс», «госкапитализм» – атрибуты эпохи Ульянова-Ленина.

Все эти несочетаемые понятия сочетались в трактате «Закат капитала». Чтобы приблизить нынешнюю демократию, Вудка с то-

варищами избрал тернистый путь большевиков-нелегалов со всеми вытекающими отсюда последствиями – просветительской работой, распространением листовок, вербовкой новых членов и... тюрьмой. (...)

На два десятилетия опередил время студент-прорицатель, угодив за свои откровения и убеждения в лагерь.

Сочинение Юрия Вудки на вступительном экзамене в радиоинститут начиналось словами: «Воля и труд человека дивные дивы творят», а заканчивалось утверждением: «Впереди – коммунизм». Так написано в следственном протоколе.

Один день Александра Исаевича

Зимой 1967 года, в студенческом общежитии №1, в комнате Симонаса Грилюса проходили литературные посиделки. Компания была привычной: Юрий Вудка, Олег Фролов, Семен Заславский. На этот раз в центре внимания была гостья – студентка Рена Красик, которая похвалилась реальным знакомством с писателем Солженицыным.

«Мы загорелись интересом, – вспоминал Грилюс, – просили рассказать подробнее о Солженицыне-человеке. Но она толком рассказать ничего не могла. Честно созналась, что сидела раскрыв глаза и глядела на писателя. Он был гостем у отца... Мы знали Солженицына как писателя. Захотели узнать как человека. Вудка предложил Рене устроить нам с писателем встречу. Она согласилась.»

Первый визит на квартиру Солженицына оказался неудачным. Из показаний Рены Красик: «Нас встретила его мать и сообщила, что Солженицын в Москве, приедет в конце месяца. Она попросила оставить, кто был и по какому вопросу. В записке написали, что приходили студенты РПТИ и что хотелось бы побеседовать. Записка была написана и подписана мною.»

Встретиться с Солженицыным удалось только в марте 1968 года. Визит тщательно планировали. Решено было взять с собою фотокопию «Заката капитала», но с бухты-барахты не показывать, а сначала поговорить о жизни, выяснить взгляды писателя и только при благоприятных обстоятельствах предложить ему ознакомиться с работой. Говорить с Солженицыным должен был Юрий Вудка. Рена и Грилюс должны были изображать «литературный отдел» при газете «Радист» РПТИ. Это было почти правдой, так как

все трое в самом деле состояли в молодежном отделе многотиражки.

Дверь им открыла старушка. Пустила в коридор и сообщила Солженицыну о гостях. Он вышел из комнаты, (...) поздоровался и сказал, что любит знакомиться со студентами. Принимал Александр Исаевич ребят в комнате с роялем. Как и договаривались, инициативу взял на себя Юрий. Он завел разговор о призвании писателя, о его роли в истории. Упомянул Достоевского и Чернышевского. Поинтересовался, есть ли необходимость в марксистском осмыслении современной эпохи. Мнение Солженицына ему было очень важно, потому что он верил, что писатели всегда внутренним чутьем предвещают исторические события.

Александр Исаевич ответил, что целесообразность анализа современности бесспорна, но усомнился, что эта благородная миссия по плечу неопытным молодым людям, тем более студентам технического, а не гуманитарного вуза. И вот тут-то Вудка представил свое детище — «Закат капитала». Солженицын был очень удивлен, (...) подержал в руках, полистал, но оставлять для детального знакомства не стал, сославшись на страшную занятость, а также некомпетентность в политэкономии. Зато он порекомендовал знакомого московского литератора, который в состоянии дать работе исчерпывающую критику. Вудка записал фамилию и номер телефона. Прощаясь, студенты попросили у писателя почтить «Раковый корпус» или что-нибудь из его произведений, но он отказал. Конечно, визитеры были разочарованы. Они тешили себя надеждой найти авторитетного единомышленника, учителя, может быть покровителя. Им было невдомек, что за каждым шагом писателя велась тайная слежка, и он сознательно ограничивал круг своего общения.

Возможно, итоги похода к Солженицыну ребятами внимательно анализировались. Так или иначе, но весной следующего года, когда брат Юрия — Валерий Вудка — прочитал «Один день Ивана Денисовича» и передавал книгу приятелю, он не мог удержаться от собственного комментария: «Солженицын тоже критикует существующий в Советском Союзе строй, но он никогда не будет действовать против него активно, потому что «толстовец».

Между тем фамилия писателя красной нитью проходит через некоторые тома следственных материалов по делу «Вудки». Работников госбезопасности интересова-

ло одно: читал Солженицын «анти советский трактат» или нет? А участники встречи давали (...) путаные, взаимоисключающие показания, причем Юрий пытался даже отрицать сам факт встречи. Следователи во что бы то ни стало жаждали «засечь» писателя, но показания студентов не давали для этого достаточного повода — антисоветскую работу не читал, у себя дома не оставлял.

Конечно можно было бы спросить у самого Солженицына, но в качестве свидетеля его вызывать не смелись, то ли опасаясь едкого пера самого литератора, то ли предвидя скандал, который могли раздуть западные журналисты. (...)

Сэм, Юст и другие

Ручные Советы в условиях тоталитарной системы, именуемой в СССР социализмом, по мнению Юрия Вудки, не могли привести к радикальным переменам парламентским путем. Оставалась одна надежда — на революцию, на организованное рабочее движение. Произойдет это не сейчас, а лет через двадцать. А до той поры нужно развивать сознание масс, готовить их к решительному шагу. Словом, все как у Ленина. Настольной книгой для деятельности в этом направлении Вудка выбрал (...) творение вождя международного пролетариата — «Что делать?» Позаимствовал он у большевиков и методы нелегальной работы с тайной перепиской, паролями, явочными квартирами, конспирацией. (...)

Основная задача, которую поставила перед собой группа Вудки — все те же шесть человек, плюс Олег Сенин — тиражирование и распространение «Заката капитала» и тех тридцати статей, которые написал их лидер в дополнение к главному своему труду.

Перепиской работ занимались в пустых аудиториях радиотехнического института, а также в комнате Грилюса в общежитии. Впоследствии купили пишущую машинку в Москве. Размноженные экземпляры тщательно прятали. Заславский — в подвале дома. Мартимонов закапывал в землю на даче своих родителей. Вудка хранил у себя в комнате в закрытом чемодане, а часть закапывал в сарае, во дворе дома, где снимал квартиру. Фролов держал «антисоветчину» в специальном месте в шкафу.

Как истинные конспираторы, братья Вудки устроили на случай ареста сигнализацию — на окне их комнаты стояла детская книжка на польском языке «Домик сказок». Если бы книга исчезла

с подоконника, то участники группы не должны были заходить в дом. Сигналом опасности одно время служил карандашный грифель, который братья вставляли в щель ворот во дворе, но хозяйские ребятишки часто ломали его и от от этого пришлось отказаться.

Между собой студенты договорились, что Юрия Вудку будут звать Юст, Фролова — Смолин, а Грилюса — Сэм, но эти имена применялись редко. Чаще использовались подставные фамилии в почтовых корреспонденциях. Обычно Юрий предварительно просматривал все письма, которые приходят на адрес радиотехнического института и придумывал такие имена, которые в почте не попадались. Принадлежали они, как правило, особам прекрасного пола — Вислица, Вадимова и т.п. Текст посланий тоже подделялся под женский стиль и непременно заканчивался характерными дамскими штучками типа: «Жду ответа, как соловей лета!»

Названия своей нелегальной группе ребята так и не дали. Юрий Вудка предлагал именовать ее «Группой пропаганды марксизма», Олег Фролов — «Союзом коммунаров», но суета повседневных дел отвлекала от этого несущественного вопроса. Внимание шестерки сконцентрировалось на размножении статей, трактата и листовок. Искали надежную технологию. (...) Каждый предлагал свое. Например, Заславский и Мартимонов пытались использовать фольгу, текст на которой должен выбиваться на пишущей машинке. Юрий Вудка мечтал о гектографе. Фролов намеревался отливать литеры из свинца. Но все это так и осталось мечтаниями. Никаких практических шагов по изготовлению гектографа, стеклографа, ротатора ребята не сделали. Попытка Юрия отыскать в Москве рельефную пасту для печатания листовок тоже окончилась ничем. Но полет (...) фантазии называл «нелегалов» в буквальном смысле в поднебесье. Юрий Вудка (...) предложил достать зонд, наполнить его водородом и, привязав, разбрасывающее устройство, распространять листовки с воздуха.

Единственное, однако, что удалось реализовать из этих замыслов, так это раздобыть тонкую папиросную бумагу...

Оставался хлопотный, дорогостоящий, но вполне осуществимый способ тиражирования литературы — фотография. Оборудование брали в прокате, на фотобумагу складывались — из стипендии и тех денег, что получали от

сдачи крови на станции переливания.

Из показаний Валерия Вудки: «Зимой 1968 года я участвовал при размножении антисоветских документов на квартире у Мартимонова... Печатали до утра... Все мы проявляли, закрепляли и глянцевали фотокарточки. Мартимонов больше уделял внимания работе с фотоувеличителем, поскольку он лучше знает фотоделло... Учитывая, что экземпляров фотокарточек было за ночь отпечатано много, приходилось несколько раз менять растворы проявителя и закрепителя. Мой брат Юрий ушел с квартиры Мартимонова на работу в 6 часов утра, я ушел в 10 часов.»

В поисках поводыря

Нравственные сомнения заставили Юрия Вудку искать подтверждения своим вольнолюбивым мыслям у общепризнанных авторитетов. Созвучные суждения обнаружил он у Евтушенко и Солженицина. Но попытка заручиться поддержкой у Александра Исаевича, как мы помним, не удалась. И тогда ребята решили воспользоваться его советом и обратиться за консультацией к московскому литератору Льву Копелеву. С фотокопией «Заката капитала» Вудка и Грилюс отправились в столицу. Им снова не повезло — писатель лежал в больнице. Но возвращаться домой несолоно хлебавши (...) не хотелось и, узнав адрес больницы, они отправились к хворавшему с визитом.

Из показаний Грилюса: «Встретились в больничном дворике. Назвались по имени. Больше ничего о нас Копелев не знает. Вудка предложил ему ознакомиться с работой «Закат капитала». Копелев сказал, что сначала он хочет поговорить с нами. Вудка начал устно излагать ему идеи «Заката капитала», а Копелев их разбил все и сказал, что все это детский лепет и догматизм. Тогда Вудка попросил его все же прочитать «Закат капитала», где, как он говорил, мысли изложены собраннее. Копелев ушел в палату и через часа три вернулся. Сказал, что читать очень трудно, почти невозможно. Качество фотокопий было очень плохое. Мнение его не изменилось. Он сказал, что этот бред о революции, партизанской борьбе людей может только обернуться для нас эшафотом. Вудка упрямо стоял на своем. Тогда, заканчивая беседу, он сказал, что таких мальчиков Россия видела не раз и все они сложили свои буйные (...) головы.

... После ухода из больницы Вудка был расстроен и сердит.

Он сказал, что Копелев его не хочет и не может понять потому, что он не признает истинный марксизм.»

На самом деле умудренный опытом человек понимал конечно куда больше, чем думалось, (...) он понимал, что тоталитарная система не прощает не только мальчишеских игр в революцию, но даже просто мало-мальски серьезных слов о революции. (...) Он искренно хотел предостеречь пыльных марксистов. Но они ему не вняли, как не вняли и своей первой наставнице — журналистке Анне Климовой, одновременно работавшей литературным сотрудником «Приокской правды».

Познакомился с ней Юрий Вудка, когда та редактировала многостражную газету Рязанского педагогического института. На литературные посиделки, которые проходили в ее однокомнатной квартире в районе Театральной площади, собирались знакомой компанией — Юрий Вудка, Грилюс, Фролов, Заславский. Хозяйка интересовалась у ребят, чем увлекаются, что читают, кто из писателей нравится. (...) Она считала, что каждый прожитый день должен приносить что-то новое из области культуры. Потом Климова переехала в Москву и стала работать в «Учительской газете», но связь с ребятами не оборвалась. Когда были отпечатаны фотокопии первого издания «Заката капитала», Юрий поручил Грилюсу отвезти их Анне Григорьевне. (...) Когда он приехал за отзывом, то услышал разнос. Журналистка советовала бросить эту игру в революцию, и без них есть кому беспокоиться о развитии страны. Но (...) «революционеры» только обиделись — старшее поколение не принимало их всерьез.

Вновь встретиться пришлось уже в кабинете следователя, на очной ставке, где Грилюс был в роли обвиняемого, а Анна Климова — свидетеля. Пока свидетеля. Видя с каким упорством женщина обходит любовые вопросы (...) гэбиста, Грилюс «по-джентльменски» попытался помочь ей: «Возможно, вас удерживает от дачи правдивых показаний чувство ложного понятого товарищества? (...) «Прошу меня не воспитывать!» — впервые резко оборвала его журналистка. Шесть страниц текста «Заката капитала», которые она отпечатала на своей пишущей машинке, стоили ей дорого.

Из постановления следствия: «... В конце 1967 года Вудка Ю. В. по предварительной договоренности с литературным сотруд-

ником редакции «Учительской газеты» Климовой доставил ей в город Москву рукопись «Заката капитала» для перепечатывания на пишущей машинке с целью последующего распространения. Вскоре по поручению Вудки Ю. В. в Москву к Климовой выехал Грилюс С. А. и получил от нее оригинал рукописи «Заката капитала» и отпечатанную на пишущей машинке на 6 листах часть текста названного трактата.

16 октября 1969 года при обыске на квартире Климовой А. Г. была изъята принадлежащая ей пишущая машинка марки «Consul», на которой, по заключению технической экспертизы, могли быть отпечатаны указанные шесть листов с текстом «Заката капитала».

Тогда же у нее изъяты записи, содержащие клеветнические измышления в отношении Советского государства и общественного строя.

Принимая во внимание, что... записи, обнаруженные у Климовой, отношения к делу не имеют, в целях всестороннего и объективного расследования фактов изготовления, хранения и возможного распространения Климовой политически вредных записей... материалы в отношении Климовой Анны Григорьевны из настоящего уголовного дела выделить в отдельное производство и направить в следственный отдел Управления КГБ при СМ ССР по городу Москве и Московской области.»

В тоталитарном обществе у человека выбор не велик — или с жертвой он, как Анна Климова, и тогда сам, почти наверняка, жертва, или с палачом, и тогда стук-стук-стук...

Набережные Саратова

Не найдя понимания в стане «отцов», но (...) естественно желая найти единомышленников, Юрий Вудка переключился на ровесников. Неожиданную помощь оказал ему Олег Сенин. Познакомились они в Рязанской областной библиотеке имени Горького, когда Олег готовился к поступлению в Саратовский юридический институт. Было это в 1966 году. Вежливые беседы незаметно перешли в литературные споры, а затем и в политические баталии. Ребята были очень не схожи и долго притирались друг к другу. Не сразу удалось Вудке поставить рассудительного и раздумчивого Сенина под свои революционные знамена. Может быть, и никогда бы не удалось, если бы не общее недовольство окружающей действительностью.

Родом из Шацка, Олег на при-

мере своей семьи знал экзекуторские повадки власти. У Михаила Павловича, его отца, часто случались неприятности на работе, его то снимали, то передвигали. Причина крылась в неуступчивом характере борца за справедливость. Олег болезненно переживал отцовские проблемы, но ничем помочь ему не мог. Он и сам был несговорчив и неуступчив, когда дело касалось принципов. Его можно было переубедить только фактами.

На одной из молодежных вечеринок Олег даже поссорился на этой почве с приятелями. Один из них читал свои стихи, в которых утверждал, что Русь развивается к лучшему. Когда он кончил читать, Олег спросил: «Почему ты думаешь, что Русь идет к лучшему? Докажи мне это, а я тебе докажу, что она идет к худшему!»

Из показаний Юрия Вудки: «В спорах я доказывал Сенину необходимость замены существующего в СССР общественного и государственного строя, говоря, что в Советском Союзе, в действительности, социализма нет, а существует госкапитализм, что у власти стоит не народ, а бюрократическая верхушка. Первоначально Сенин возражал мне, говорил, что в нашей действительности есть отдельные недостатки, против которых необходимо бороться. Эти недостатки не следуют обобщать и делать выводы о непригодности всего существующего в СССР строя. Затем он стал разделять мои взгляды.

Вскоре Сенин поступил в Саратовский институт. К этому времени он стал фактическим членом нашей... группы. Примерно летом 1967 года Сенин приехал в Рязань и рассказал мне, что в Саратове есть группа, около десяти человек, критически мыслящих по отношению к существующему в СССР строю, молодых людей, с которыми он связался. Фамилии и имен он не называл, но сказал, что все они вместе с ним учатся в юридическом институте.»

Решено было идти на контакт. По договоренности с Сениным, весной 1968 года, в Рязань прибыла связная. Юрий Вудка и Грилюс встречали ее на вокзале с соблюдением правил конспирации. В условленном месте на перроне к ним подошла девушка, среднего роста, темноволосая, худощавая, с типичным русским лицом. «Не скажете, где здесь буфет?» — спросила она. «Я иду туда и могу проводить вас», — ответил Вудка. Встреча состоялась. Затем отправились на квартиру к Юрию, где и проговорили до самого вечера. В тот же день связ-

ная уехала. Имен и фамилий никаких не называли, а девушку нарекли Леной.

«Из сообщений Лены я понял, что саратовская группа только еще зарождается, — вспоминал Вудка, — в области теории отстает от нас примерно на один год... Чтобы восполнить этот пробел, я дал Лене для передачи саратовской группе следующие антисоветские работы: «Закат капитала», «Трубы свободы», «Внешняя политика советского империализма...»

Девушка уехала, а связь с саратовской группой так и не наладилась, переписка велась вяло. Чтобы выяснить в чьи же руки он отдал свои (...) труды, Юрий решил лично отправиться в Саратов. К тому времени Сенин перевелся на заочное отделение и жил в Рязани (у него родилась дочь, жена — студентка МГУ — находилась в декретном отпуске, и Олег не хотел их покидать даже на короткое время).

...На этот раз никакого пароля не было. Вудка нашел нужного ему человека в общежитии юридического института на Технической улице. Предварительный разговор состоялся на набережной Волги. Юрист прощупывал гостя, боясь попасться в ловушку. Сомнения рассеялись, когда Вудка стал оперировать положениями «Заката капитала». Подлинных имен и фамилий не произносил. Юрист отзывался на Леню, а его друг был Ваней.

Трактат и статьи саратовцы успели перепечатать. Кроме них они передали Вудке и работу своего товарища Агапова: «Пропаганда и психология». (...) Автор статьи недавно трагически скончался во время операции. У него на даче осталась нелегальная литература. Члены группы опасались, что ее обнаружат. Втайне от родственников они пытались проникнуть на дачу, но поиски ничем не закончились — никто не знал точного места.

Трижды Юрий ездил в Саратов. Помимо установления непосредственного контакта и обмена литературой, ребята обсуждали формы и методы нелегальной деятельности. Точек соприкосновения было много, но не меньше было и точек расхождения. Каждый горячо отстаивал свою правоту и не оставлял камня на камне от суждений оппонента. Саратовцы не принимали тезис Вудки о децентрализации экономики и доказывали, что и в будущем, когда произойдет «новая» революция, нужна будет жесткая централизация, террор, а вот с деньгами придется расстаться, потому что «деньги — зло». Они будут за-

менены квитанциями, по которым на общественных складах будут выдаваться продукты потребления и все необходимое для жизни человека. Словом, у (...) саратовцев были все те же пережитки большевизма в сознании, (...) только с другого края.

Юрий считал их позицию малоубедительной, слабо аргументированной, но переспорить не смог. Не соглашался он и с тем, что у группы нет лидера, а руководство осуществляется коллективно. «Если о всех делах группы знают все ее члены, то увеличивается вероятность ее провала», — наставлял он коллег-революционеров. С ним снова не соглашались. Когда на сессии в Саратов приезжал Олег Сенин, он тоже пытался (...) перетянуть ребят на сторону Вудки, но из-за учебы на долгие споры времени не хватало, и каждая группа оставалась при своих убеждениях. Договаривались, что доспорят письменно.

Дня за три-четыре до ареста Юрия Вудки на адрес радиотехнического института пришло письмо из Саратова. Конечно на вымышленную фамилию Вислина. Содержание письма условное, подделанное под бытовое. Фактически же саратовцы сообщали, что в последнее время участники группы попали в поле зрения органов госбезопасности, что за ними ведется усиленное наблюдение и просили встречи. Побывавший не так давно в Саратове Сенин сообщил, что ничего подозрительного не заметил. Юрий Вудка и Мартинов собирались было ехать, но не нашлось денег. А тут и грянул арест.

Дело в отношении Олега Сенина выделили в отдельное производство, а самого арестованного отправили в Саратов. Именно там он впервые переступил порог КГБ и «вешал лапшу» о происхождении «Заката капитала». Именно там он получил первый жестокий урок (...) подлости и лицемерия в ответ на чистые порывы души.

Чертова дюжина

Рамки «Заката капитала» оказались слишком тесными для просветительских замыслов автора, а потому он решил ряд положений трактата рассмотреть более подробно в отдельных статьях. За два года таких работ набралось тринадцать. (...)

«В августе 1965 года я поступил учиться в Рязанский радиотехнический институт и начал много читать работ классиков марксизма. Прочитав работу В.И.Ленина «Государство и революция», а также его работы периода гражданской войны и НЭПа,

я пришел к выводу, что В.И. Ленин боялся сам того, что в своем дальнейшем развитии социалистическая революция идет не туда, как ожидалось ранее. Поэтому период 1937-39 годов я стал считать завершением термидорианского перерождения, на что В.И. Ленин указывал еще в период гражданской войны и чего он боялся. В результате изучения марксистской литературы у меня созрело мнение, что существование социализма в настоящее время в какой-либо стране – это легенда."

Работники госбезопасности отнеслись с недоверием к тому факту, что источником для «клеветнических измышлений» против большевистского государства могли стать статьи первого большевика страны. На это указывают жирно подчеркнутые фразы обвиняемого, где им перечисляются ленинские работы, и вопросы следователя на полях протокола.

Вооружившись классикой, Вудка приступил к собственным произведениям. Марксистско-ленинским духом веет уже от одних их названий: «Трубы свободы», «Современная интеллигенция и революция», «Внешняя политика советского империализма», «Современность и национальный вопрос», «О базисе и надстройке», «Идеологическая работа и психология», «О патриотизме», «Марксизм и колдуны» и т.д. (...)

Решив, что настало время для переправки «Заката капитала» за границу – для публикации в органах печати левых сил, Юрий Вудка вынужден был сократить объем трактата до минимума. Этот «краткий курс» получил новое название – «Правда о современности». С ним связана первая попытка группы отыскать единомышленников за пределами Союза.

Самую последнюю статью, тридцатую, «Что впереди?» Вудка написал в апреле-мае 1969 года. Вот что он об этом говорит: «В ней я в популярной форме изложил основы революционной идеологии, доказывал неизбежность свержения существующего в СССР строя. Я предполагал в случае возникновения революционного движения среди рабочих эту работу распространять среди них. Поэтому я сделал также перевод этой работы на украинский язык, так как, на мой взгляд, не все рабочие в других республиках знают хорошо русский язык. Предполагалось, при возможности, сделать переводы и на другие языки народов Советского Союза.»

В Дубне у Рихарда

От Грилюса Юрий Вудка узнал, что у него есть адрес чеха по

имени Рихард, который временно работает в одном из НИИ города Дубна Московской области. (...) В июне 1969 года Юрий выехал в Дубну. В общежитии на улице Юрии он отыскал Рихарда и передал ему свой трактат. Фамилию свою не называл.

После событий 1968 года все, что касалось Чехословакии, особенно интересовало членов группы. Положение в этой стране Вудка анализировал в «Закате капитала» и в последующих статьях. Ввод войск Варшавского договора оценивал однозначно отрицательно. (...) Помимо Вудки для беседы с чехом выехал и Евгений Мартинов: «...Говорил с ним о положении в Чехословакии. Как мне кажется, говорить со мной на эту тему он не особенно хотел (очень быстро кончил разговор). Его взгляды я не могу точно описать, так как я говорил только о Чехословакии, а здесь он мне сообщил только известные факты, как, например, дело Пахмана.» (...)

Из показаний младшего научного сотрудника Объединенного института ядерных исследований Рихарда Ледницкого: «В июле 1969 года я поехал в ЧССР, а именно в город Остраву. С собой я повез и «Закат капитала», который оставил дома у родителей. ... Я сам лично «Закат капитала» полностью не прочитал и своим знакомым в ЧССР не давал его для читки. Поэтому беседу с этим неизвестным вел неохотно. Я ему сказал, что «Закат капитала» передал в ЧССР своим знакомым. Он тогда стал спрашивать у меня о событиях в ЧССР. Я сказал, что сейчас в стране ухудшилось материальное положение населения... Других разговоров не было. Где остановился этот парень я не знаю. По моему мнению, сразу же после разговора он пошел на вокзал. Первый же посетитель ночевал в общежитии на улице Ленинградской... Это я его туда устроил на ночь, поскольку ему негде было ночевать.» (...)

«Еврейский вопрос»

О том, что у него «не та» национальность, Юрий Вудка догадался еще в Павловграде, когда учился в машиностроительном техникуме. На Украине антисемитские настроения отдельных граждан проявлялись довольно рьяно, но Юрий не мог понять причину этой неприязни. Постепенно он обнаружил, что дискриминация идет не только на бытовом уровне, но и в государственном масштабе.

На допросе он говорил: «Я

был недоволен тем, что в Советском Союзе нет еврейских школ, учебников еврейского языка и еврейской истории. Не издавались книги еврейских авторов... Я думал, что национальные потребности в Советском Союзе, имею в виду еврейского народа, не удовлетворяются. Поэтому у меня возникли определенные чувства симпатии к Израилю, где все эти потребности могут быть удовлетворены, и где нет антисемитизма.»

Национальность Вудки не привлекла и в приемной комиссии Московского физико-технического института, где молоденькая секретарша нахально намекнула ему, что не стоит рассчитывать на успех. Об этом печальном факте своей биографии Вудка долго не мог забыть и рассказывал новым рязанским друзьям. Желание обрести надежный тыл, без изdevok и ухмылок, толкало к поиску единомышленников. (...) В октябре 1968 года Вудка поехал в Москву на празднование еврейского национального религиозного праздника урожая.

«Я знал, что обычно в этот день у еврейской синагоги в Москве собирается много евреев-иностраниц. Этим обстоятельством я воспользовался... Я познакомился с группой евреев из Голландии. Ближе всех я сошелся со студентом-экономистом одного из амстердамских вузов по имени Эфраим.» Ему Вудка передал свою статью «Правда о современности» – своеобразный конспект «Заката капитала». (...)

«Еврейскому вопросу» в документах следствия уделено не меньше места, чем выяснению причин возникновения антисоветских убеждений. Стражам государственной безопасности надо было доказать этим мальчикам, что советский строй непричастен к тирании малых народов, а начающийся массовый исход евреев из Советского Союза связан не с тем, что «развитой социализм» плох, а с тем, что мысли у евреев «не те». Именно поэтому следствие так упорно добивалось от обвиняемых признания ошибочности их суждений относительно притеснений национальных меньшинств.

Измученный допросами и «разъяснениями» упорных чекистов, Семен Заславский в конце концов написал: «Передо мной развесили мишуру «еврейского вопроса», и я поверил, поверил несмотря ни на что. Я не подумал о том, кем бы был я (если бы вообще был), не победи 52 года назад та самая власть, против которой я решил бороться... Я родился в обеспеченной интеллигентной семье, а не в одной из множеств

ва бедных трудовых семей еврейских местечек, уроженцами которых являются мои родители. Мой отец окончил военную академию, служил в армии до последних дней, имеет звание подполковника... Моя мать тоже окончила высшее учебное заведение.» Самому же вольнодумному чаду «лучший в мире строй» даровал судьбоносность...

Юрий Вудка был арестован накануне отъезда в Черновцы, где он намеревался дожидаться вызова из Израиля от родственников будущей жены. Отец Вудки, фельдшер по профессии, к намерениям сына уехать за границу всерьез не относился, а с невестой даже не был знаком. На следствии он утверждал, что о девушке никогда не расспрашивал, «потому что считал все это сплошной нелепостью».

В отличие от родителя, мечтания Юрия не показались такими уж несбыточными в КГБ. Отъезд теоретика и организатора антисоветской группы их явно не устраивал. (...) Чем же? Чем же могло навредить советскому государству отбытие студента-заочника на «землю обетованную»? А тем, что Вудка намеревался на исторической родине заняться политической деятельностью: «...издать свои антисоветские работы, распространять их на Западе, выступать по радио...» Словом, продолжать «клеветать» на страну социализма. А этого, разумеется, «в интересах государства» допустить было нельзя. И не допустили...

В преемники Вудка выбрал Евгения Мартимонова. Передал ему условные адреса, конспиративные фамилии, написал записку для связи с Сениным: «Олег! Сей почтенный муж будет заместо меня. Рассказывай ему все сплетни. Пока.» Выбор пал на Мартимонова не случайно. «Он создавал впечатление духовно крепкого человека, — объяснял свое решение Вудка. — Участники группы считали, что Мартимонов находится вне подозрений со стороны органов КГБ. С самого начала он лучше других выполнял порученные ему работы по нелегальной деятельности группы. Мартимонов был более сдержаным, чем другие, лучше соблюдал правила конспирации.»

Однако произвести полную «смену власти» не успели — в тот день, когда Юрий писал шифрованную записку Мартимонову, органы госбезопасности объявили начало операции... (...)

Рязань

«Приокская газета». Печатается с сокращениями

ОЛЕГ ПОПОВ

«Хроника текущих событий». Авторы и герои

Предлагаемая читателю сухая информация о деле «Партии коммунаров» (дело группы Ю. Вудки) — перепечатка из неподцензурного журнала «Хроника текущих событий», выходившего в Москве с 30 апреля 1968 г. по 1 июня 1982 г. Журнал выходил то раз в месяц, то раз в два-три месяца. Всего вышло 64 номера ХТС.

О «Хронике» (так обычно для краткости называли издание и его читатели, и гебисты, которые охотились за ним) написано довольно много, в основном за рубежом. Например, прекрасный обзор в книге Людмилы Алексеевой «История инакомыслия в СССР». Для нас сейчас важно, что «Хроника» была первым печатным изданием, давшим информацию о деле Вудки. Поскольку два первых сообщения (ХТС N 12, N 14) передал автор этих строк, он считает уместным предварить эту информацию своего рода «введением».

С первых своих номеров «Хроника» ограничила характер публикаций строгим, скжатым, без комментариев и оценок изложением событий, имеющих прямое отношение к нарушению прав человека советскими государственными органами.

Не существовало никакого института «собственных корреспондентов» и даже какой-либо систематичности в сборе и передаче информации в «Хронику».

Надо сказать, что поначалу «Хроника» была ориентирована на «внутреннее потребление», а не для «голосов». Лишь когда выяснилось, что советские власти не только глухи к призывам восстановить законность, но и воспринимают подобного рода информацию как «антисоветчину», «Хронику» стали отправлять и на Запад. Благодаря «Свободе», «Голосу Америки», «Би-Би-Си», миллионы людей, жертвы несправедливости, узнали, что их судьбы не канут в неизвестность, но могут стать предметом обсуждения на самых различных уровнях, станут достоянием общественности во многих странах. Благодаря «Хронике», гласность пришла в наш дом задолго до горбачевских времен...

Только за хранение ХТС давали 70-ю статью. По «криминальности» «Хроника» шла в первых рядах, сразу за «Технологией власти» А. Авторханова. Тем не менее, сотни и тысячи экземпляров «Хроники» распространялись на тонюсеньких машинописных листочках по всей стране. Попадали они и в Рязань...

Информацию о деле Вудки я передавал для «Хроники» весной 1970 года. Основным источником был Женя Владимиров. Я хорошо помню, как мы гуляли с ним где-то на окраине Рязани и я записывал на страницах журнала «Новый мир» имена, даты, обстоятельства арестов, содержание допро-

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него. Адреса и названия организаций, учреждений, компаний, отображаются в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.

— вел. Н. В. оруж. упомянутое в тексте в окошко в открытом виде впереди него.